

З.А. Магомедова

**ДАГЕСТАНСКИЕ ШЕЙХИ НАКШБАНДИЙСКОГО ТАРИКАТА
XIX в. МУХАММАД-ЭФЕНДИ ЯРАГСКИЙ, ДЖАМАЛУДДИН
КАЗИКУМУХСКИЙ, АБДУРАХМАН-ХАДЖИ СОГРАТЛИНСКИЙ**

*(Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ .
Проект №07-01-00553а)*

Тарикат – одна из форм суфизма. Это путь к истине, к Богу. Термин этот появился уже в XIX в. и первоначально обозначал различные морально-психологические методы, при помощи которых человек, ищущий самоусовершенствования, может быть направлен к этой цели кратчайшим путем (*Бертельс Е.Э.*, 1956. С.37).

Чтобы понять специфику и сущность идеологии накшбандийского тариката в Дагестане, необходимо также проанализировать деятельность ее главных распространителей в XIX в. На рубеже XVIII–XIX вв. Дагестан был раздроблен на множество владений и обществ. «Дагестану была жизненно необходима идеология сплочения всех здоровых сил перед фактом тотального завоевания» (*Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.*, 1966. С.21). Носителем откровения свыше, т.е. нового верования, называемого мюридизм, и первым его проповедником на Кавказе стал *муршид* Мухаммад-Эфенди Ярагский (1770/71–1838) – «святой тарикатский шейх, источник божественных истин, руководитель лиц, идущих к великим тайнам, спаситель гибнущих, великий чудотворец, светоч исламской религии» (*Ал-Багини*, 1996. С.243). На должность тарикатского шейха – муршида его благословил Хас-Мухаммад Ширванский. Мухаммаду-Эфенди было далеко за двадцать пять, когда он, «завершив курс науки и знаний в Кюринском округе и в остальном Дагестане», возвратился на родину, в Вини-Яраг. Сельчане встретили его с радостью. Они уже были наслышаны о его успехах в учебе и в родном селении, и особенно в Ахта, Согратле и других исламских образовательных центрах Дагестана. Кроме того, велик был авторитет его отца Исмаила-эфенди, который, как и дед его Шихкамал, занимался преподавательской и проповеднической деятельностью в Вини-Яраге. Благодаря их стараниям в селении строилась мечеть, при которой открылась исламская школа. Сельчанам было приятно сознавать, что Мухаммад пошел по отцовскому и дедовскому пути.

Несмотря на то, что в Дагестане ислам начал распространяться ещё с середины VII в., в начале XIX в. во многих общинах еще был широко распространен *адат* – местный обычай. Адат противоречил шариату – нормам мусульманского права и морали. Мухаммад-Эфенди начал свою деятельность в Дагестане, решительно потребовав повсеместного отказа от адата и перехода к шариатскому законодательству. Он выдвинул идеи антифеодального, антиколониального протеста и справедливости. В своем обращении к горцам он говорил: «Первый закон нашей веры – это свобода во всех отношениях. Ни один мусульманин не должен быть рабом другого и, еще того меньше, жить поработанным чужими народами. Второй закон равноценен первому, ибо один без другого не может существовать» (*Ханба-*

баев К.М., 1994. С.39). К нему в Яраг стали стекаться горцы из других селений, чтобы послушать его проповеди.

Число недовольных властью царских наместников и местных феодалов стало расти. В марте 1824 г. наместник царя на Кавказе генерал Ермолов вызвал правителя Кюринского и Казикумухского ханства Аслан-хана и приказал прекратить возникшие волнения. Аслан-хан встретился с Мухаммадом-Эфенди в с. Касумкент, куда по его требованию был вызван ал-Яраги с некоторыми своими приверженцами. Аслан-хан стал упрекать Мухаммада-Эфенди в том, что он своими призывами к газавату, к войне с неверными, ведет народ к гибели. Хан говорил о больших военных силах русских, противостоять которым горцы не смогут. В ответ на эти упреки Мухаммад-Эфенди заявил: «Я бы посоветовал и тебе, хан, оставить мирскую суету и подумать о том, куда мы все пойдем». Когда хан стал убеждать, что он честен и исполняет все обязанности мусульманина, Мухаммад-Эфенди ответил: «Ты говоришь ложь». Шейх обвинил хана в пособничестве царским колонизаторам, в порабощении подвластного ему народа. Публично оскорбленный хан дал пощечину Мухаммаду-Эфенди. Слова кадия задела Аслан-хана за живое, но через некоторое время он успокоился и попросил прощения у Ярагского. Обратившись к Мухаммаду-Эфенди, он сказал: «Прости меня за оскорбление, которое я нанес тебе в легкомысленной злобе, но исполни просьбу, которую я выскажу во имя твоего и моего блага: прикажи своим мюридам вести себя тихо и не призывать больше народ к возмущению. В противном случае русский наместник потребует, чтобы я привел тебя к себе и мне придется исполнить его волю; я боюсь совершить тяжкий грех, передав такого большого *алима*, как ты, в руки неверных русских. Если же я встану полностью на вашу сторону, то русские заберут у меня мою землю и наследство, а меня прогонят из моего дома, с моей Родины» (*Боденишведт Ф.*, 1996. С. 21). Ярагский ответил ему: «Если ты не можешь быть за нас, то не выступай и против нас. Будь для русских другом на словах, чтобы обезопасить себя и быть полезным нам» (*Боденишведт Ф.*, 1996. С. 24). Аслан-хан сообщил генералу Ермолову, что в ханстве восстановлен порядок.

Однако до порядка было еще далеко. Услышав о проповедях Мухаммада-Эфенди, в ярагское медресе явились Гази-Мухаммад и Шамиль из Гимры, Ших-Шабан из Губдена, Гаджи-Юсуф и Джамалуддин из Казикумуха, мулла Хан-Мухаммад из Табасарана и др. (*Хашаев Х.-М.*, 1956. С.21). Мухаммад-Эфенди изложил программу своей мюридистской организации. Главной целью организации был газават: «Тот, кто не придерживался шариата и никогда не обнажал меча против неверных, для того никогда не наступит спасение, обещанное нам Аллахом через своего Пророка. Тот же, кто действительно желает выполнять повеления шариата, тот должен радостно отречься от всех земных благ и кровь свою и имущество отдать на защиту своего бога, оставить свой дом, жену и детей и последовать призыву битв», – горячо проповедовал Мухаммад-Эфенди.

Ярагский каялся, что он ошибался, получая от верующих приношения, и просил разделить его имущество между собой. Однажды, когда перед его домом собралось много людей, Мухаммад Ярагский обратился к ним с такими словами: «Я очень грешен перед Аллахом и Пророком. До сих пор я не понимал ни воли Аллаха, ни предсказаний его посланника Мухаммада. По милости Всевышнего только сейчас у меня открылись глаза и я, наконец, вижу, как подобно сверкающим алмазам проходит мимо меня источник вечной правды. Все мои прошлые деяния лежат на моей душе как тяжелое бремя грехов. Я потреблял плоды Вашего поля, я обо-

гащался за счет Вашего добра, но священнослужителю не пристало брать и десятой доли, а судья должен судить только за то вознаграждение, которое обещал ему Аллах. Я не соблюдал этих заповедей и сейчас совесть обвиняет меня в грехах. Я хочу искупить свою вину, попросить прощения у Аллаха и у Вас и вернуть Вам все, что брал ранее. Подходите сюда; все мое имущество должно стать Вашим! Берите его и делите все между Вами!» (*Боденитедт Ф.*, 1996. С. 21).

Ярагский, несмотря на свой почтенный возраст, был очень активен в эти годы. Он проявил себя не только духовным руководителем горских масс, но и тонким политиком, полностью владеющим обстановкой. Это был период подъема тарикатского движения под неустанным контролем и руководством Ярагского. Муршид активно пропагандирует газават и умело направляет деятельность мюридов. Известность шейха и его учения распространяется далеко за границами Кюры, Кубы, Дербентского и Казикумухского ханств.

Учение Ярагского о тарикате складывалось из идей, заложенных в Коране, взглядов столпов традиционного накшбандийского тариката, ряда мыслителей суфизма, в части философии ал-Газали, и собственных убеждений, выражающих индивидуальное миропонимание и специфику духовных запросов населения в конкретных исторических условиях. Сущность и содержание учения излагались помимо речей и воззваний также в молитвах, рукописном сочинении «Асар», касыдах, переписке с проповедниками из разных мест, учебных пособиях и на устных занятиях в медресе (*Агаев А.Г.*, 1996. С.83).

Особое место занимают новые формы проповеднической и разъяснительно-агитационной работы в массах: проповеди-обращения, прокламации и речи как на арабском, так и на родном языке. Публичные обращения на языке слушателей делали их содержание доступным, более того – использование родной речи пробуждало еще и национальные чувства. Верующие горцы воспринимали проповеди-воззвания на родном языке с особой теплотой. Они могли и дома свободно пересказывать услышанные речи членам семьи, близким и родственникам.

Мухаммад-Эфенди избрал и организационную форму воспитания тарикатского образа жизни. Он создал тарикатские группы (сообщества) мусульман, во главе которых находятся наставники. Наставники отбирались из числа авторитетных правозверных, образованных, известных своей нравственной чистоплотностью и способных личным примером и внушением наставить мусульман на верный путь.

Тарикат Ярагского оформлялся как специфическая школа воспитания совершенной личности. Он включает аскетизм, но разумный; главное в нем – обретение мусульманином «чистого сердца и светлого лица», «избегание шумных забав грешников», «изгнание от себя разврата», «раскаяние в грехах», «прощение обид» и т.д.

Активная политическая деятельность Ярагского делала его заложником царских властей. Колониальные власти были начеку: царские агенты держали шейха под постоянным наблюдением. Информация о его связях, круге знакомств, сборах, встречах и проповеднической деятельности стекалась в управление жандармерии и в ставку А.П.Ермолова. Особенно раздражала властей необычайная активность религиозных общин Дагестана, которые, будучи вдохновленными речами Ярагского, пропагандировали идеи газавата среди населения. «Беки и важнейшие люди часто собирались для совещания под благовидным предлогом, тогда как на самом деле эти совещания были очень подозрительны», – отмечалось в донесении (*Пашаева Ш.Ю.*, 2003. С. 83).

Однако проповеди тариката не только не прекращались, но и принимали массовый характер. Царское командование начинает действовать. Ермолов приказывает арестовать Ярагского и доставить его в Тифлис. Мухаммад-Эфенди без всякого сопротивления сдался. Он был доставлен в Курах, откуда под усиленной охраной его намеревались доставить в Тифлис. В Курахе шейха помещают в тюремный каземат. И в ту же ночь ему организовывают побег из тюремной камеры. После побега Ярагский активизирует свою деятельность среди горских обществ и уже открыто возглавляет газават.

Период 1825–1826 гг. становится периодом окончательного оформления мюридизма как идеологии освободительного движения. В конце 1828 г. в мечети Вини-Ярага состоялся «последний совет, на котором положено было начать газават. Мулла Магомет был душой этого совета. Вскоре после того он собрал к себе представителей всех вольных обществ Дагестана – ученых-мулл, кадиев, старшин и, после долгой молитвы, объявил всенародно, что знамя газавата поднимает его любимый ученик Казимулла и тут же провозгласил его имамом» (Пашиева Ш.Ю., 2003. С. 83).

Преемником и духовным наследником Ярагского становится Джамалуддин Казикумухский (1788–1866). Джамалуддин был известным дагестанским ученым и преподавателем, духовным наставником Шамиля, одним из авторитетнейших знатоков арабской литературы, занимавшим выдающееся место в духовной жизни Дагестана. Он был одним из ярых сторонников тариката накшбандийского ордена, активным распространителем накшбандийских идей, автором знаменитого суфийского трактата «Ал-Адаб ал-Мардийа» («Правила достойных приличий»). Сущность накшбандийского тариката, по словам Джамалуддина, состоит в следующем: «Накшбандийский тарикат означает постоянное занятие лучшими молитвами. Первые условия этого пути – вступивший на него должен повиноваться ниспосланной книге и последнему Пророку (да будет с ним милость Аллаха), искренне раскаяться в грехах, удовлетворять все обиды, просить прощения у обиженных, служить неуклонно на пути Мухаммада (да будет с ним милость Аллаха), исполнять строго шариатские постановления, отказываться от лишней еды, лишнего сна и разговоров, постоянно нуждаться в Боге, быть довольным судьбой, извергнуть из себя страсть к сему обманчивому дому вселенной; кто усвоит эти качества, тот дойдет до места присутствия Господа Бога».

Джамалуддин Казикумухский известен и как автор нескольких сочинений. Самое известное из них, получившее всеобщее признание, – трактат по теории и практике суфизма накшбандийского тариката под названием «Ал-Адаб ал-мардийа фи-т-тарикат ан-накшбандийа» («Удовлетворительные правила в накшбандийском тарикате»). Труд издавался неоднократно (Порт-Петровск, 1905; Темир-Хан-Шура, 1908; Оксфорд, 1986). Перевод на русский язык (свободное изложение материала) также издавался в Тифлисе в 1869 г., а перепечатка была осуществлена в Оксфорде в 1986 г.

Известно также сочинение, посвященное доступному изложению основ мусульманской религии (усул ад-дин), правилам совершения молитвы, соблюдения поста, описанию внешности пророка и его образа жизни. Сочинение построено в популярном жанре вопросов и ответов («Та’лиф аш-шайх ал-кадил ал-муршид Джамаладдин» (т.е. «Сочинение совершенного шайха муршида Джамалуддина») или «Кифайат ал-‘ауам» («Достаточное для народа»)).

Третье известное произведение – «Ал-Каул ас-садид фи джауаб рисалат Са'ид ли-ш-шайх ал-муршид Джамаладдин» («Здравое слово в ответ на послание Саида шайха муршида Джамулуддина»). «Накшбандийский тарикат был лучшим по своей организации. В его основе заимствования из других систем и нет недостатка из того, что было у него от сподвижников Мухаммада и действия, которые устраивали суфийские шейхи: публичный зикр, слушание, танец, уединение и т.д., которых не было во времена пророка Мухаммада и праведных халифов» (*Бертельс Е.Э.*, 1956. С. 66).

В «Книге воспоминаний» Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Гумуки дает ряд интересных сведений о своем отце и о его деятельности на духовном поприще (*Абдурахман из Газикумуха.*, 1997. С.12). «Родитель мой, – пишет Абдурахман, – сеид Джамалэддин-Гуссейн, был родом из Казикумуха. В первой своей молодости он служил при бывшем казикумухском хане Аслан-хане в качестве письмоводителя. Хан любил его, и за усердную службу его и преданность пожаловал ему три деревни в Кюринском ханстве. И жители этих деревень платили дань моему отцу». Но Джамалуддин вскоре «очнулся от светского забвения» – обратился к Богу с полным раскаянием в своих грехах, в которых он провел прошлую свою жизнь, будучи в услужении у Аслан-хана. Ибо «кто проводит жизнь в сообществе тиранов, у того большая часть жизни проходит в согрешениях» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 13). Поэтому он посетил Мухаммада-Эфенди Ярагского, от которого принял тарикат и «разрешение направлять по этому пути желающих вступить на истинный путь». С этой миссией он вернулся в Казикумух, где «проводил время в уединении, занимаясь молитвами и направлением посетителей на путь истины». На вступление его в число тарикатских последователей проливает свет следующая запись, переписанная с его руки и сделанная под письменным наставлением к нему Мухаммада-Эфенди Ярагского: «Это первый завет, который сделал мне господин и мой шейх Мухаммад ал-Яраги во время моего следования за ним в 1291 году в первую ночь великого месяца Рамазан» (*Магдиев С.Я.*, 2002.С.58). Аслан-хан отрицательно относился к распространению тариката и мюридизма, поэтому Джамалуддин вынужден был удалиться в с. Цудахар, откуда вернулся в Кумух только после смерти правителя (1836 г.)

Из сказанного видно, что в отличие от своего духовного наставника и учителя Мухаммада-Эфенди Ярагского Джамалуддин Казикумухский был против газавата. Он даже запрещал Газимухаммаду заниматься газаватом. «Джамалэддин убедил его принять на себя распространение шариата, но строго запретил ему вступать в борьбу с русскими, а стараться только об искоренении в буйных дагестанцах закоренелых привычек и пороков и наставить их на путь истинный» (*Покровский Н.И.*, 2000. С.18).

Воинственность Газимухаммада раздражала Джамалуддина Казикумухского, последний писал ему: «Было много ученых людей, которые тоже хорошо знали о необходимости газавата, однако они ничего не предпринимали, считая это дело невозможным: сам Коран воспрещает вести войну против неприятеля сильнейшего. Если найдутся такие люди в настоящее время, пусть они и ведут газават, но ему (Гази-Мухаммаду), как последователю и проповеднику тариката, это неприлично» (*Дневник Руновского за июль 1861 г.*, 1904. С. 1498).

Эти разногласия разделили партию тарикатистов на две части: одна поддерживала Газимухаммада, а другая, большая часть, считала, что мюрид обязан подчиниться внутренней дисциплине своего ордена и во всем слушаться своего шей-

ха, даже если он с ним не согласен. «Джамалуддин исповедовал чистый тарикат, чуждый политической подоплеке, направленный на возвышение духа и учивший пониманию божественных откровений» (*Дегоев В.В.*, 2000. С. 45). Не призывая к газавату против русских, он сохранял суфизм в строгих догматических рамках. По своим политическим взглядам шейх резко расходился с имамом Газимухаммадом, потому что «не соглашался с последним в его действиях против русских и в возмущении дагестанского населения», тем не менее он пользовался громадной популярностью среди населения, принимал активное участие в идеологической и политической жизни Дагестана. Абдурахман-хаджи Согратлинский (1792–1881) – третий шейх накшбандийского тариката в Дагестане. О нем упоминает ал-Багини в своем сочинении «Табакат ал-Хаваджиган»: «Полный хранитель, проницательный, разумный советчик Абу Мухаммад Хаджи Абд ар-Рахман Эфенди был ученым, знаменем ученых-правоведов, господином достойных, гротом рабам божьим, советчиком для порочных людей, врагом для упрямых, красноречивым в разговоре, проповедником Дагестана» (*Ал-Багини*, 1996.С.365).

Абдурахман-хаджи родился в 1792 г. в с. Согратль. «Селение Согратль – родник ученых, благочестивых, поклоняющихся, смельчаков, ювелиров, потомственных кузнецов. В Дагестане во всех этих делах нет селения равного ему» – так писал о с. Согратль Абдурахман из Газикумуха в «Книге воспоминаний» (*Абдурахман из Газикумуха*, 1997. С. 82). Согратль являлся крупнейшим центром арабоязычной культуры в Дагестане.

В этом селении было несколько медресе, пользовавшихся большой популярностью в Дагестане. Среди них выделялись медресе Шапи-Гаджи, окончившего самое почетное в мусульманском мире учебное заведение ал-Азхар в Египте, Махти-Мухаммада и Абдурахмана-хаджи. В них обучались в среднем по 150–200 человек в год. Туда приезжали со всех концов Дагестана, главным образом для совершенствования мусульманского образования (*Абдуллаев М.А.*, 1998. С.18).

Все три имама Дагестана – Газимухаммад, Гамзат-бек и Шамиль получили духовное воспитание в том числе и в согратлинском медресе. В свое время здесь учились Мухаммад Кудутлинский (1652–1717), Мухаммад Ярагский (1770/71–1838), Джамалуддин Казикумухский (1788–1869), Абусуфьян Акаев (1872–1931) и десятки других выдающихся людей Дагестана, Чечни и Северного Кавказа.

В этой среде, пропитанной духом науки и восточной культуры, родился и воспитывался Абдурахман-хаджи Согратлинский. Его отец – состоятельный торговец Даран Ахмед, человек, побывавший во многих торговых центрах Востока и России и знающий цену науки, расходовал чуть ли не все свое состояние на обучение своих сыновей Абдурахмана и Селим Дибира. Способные сыновья Ахмеда, особенно Абдурахман, оправдали надежды отца. Оба они стали известными алимами (учеными), популярными не только в родном селении, но и во всем Дагестане.

Абдурахман-хаджи прошел традиционные для своего времени ступени мусульманского образования в родном селении. Основным наукам он обучался у Ибрагимдибира из Согратля. Последующими учителями Абдурахмана-хаджи по тарикату и наукам были такие авторитеты, как Мухаммад Ярагский, Джамалуддин Казикумухский, Исмаил Курдамирский, Хас-Мухаммад Ширванский. Во время паломничества в Мекку в 1832 г. он, как и многие дагестанцы, решил совершенствовать свои знания. В Мекке он обучался у таких известных ученых, как Сайид Таха ал-Халиди ал-Багдади, Али ал-Кузбари, Абдаррахман ал-Кузбари, аш-

Шаркави, Мухаммед ад-Дахлави, Сайид Хусейн Джамал ал-Лайл ал-Макки и др. (*Гайдарбеков М.*, 1965. Л.68).

Существует притча, касающаяся обучения Абдурахмана Согратлинского у Магомед-Салиха Йеменского. Он (Абдурахман Согратлинский), Дамадан Мугинский и Магомед Убринский пришли к Магомед-Салиху Йеменскому с определенной целью – познать у него секрет заключительного и высшего учения ислама – сирр ул раббан (тайны Владыки, т.е. Господа) (*Гусейнов Г.К.*, 1992. С.21).

У Абдурахмана-хаджи в свою очередь учились, воспитывались и получили аттестаты такие муршиды и алимы, как Мухаммад Ободинский, автор сочинения «Канз ад-дурар» по тарикуту, Абдуллах-Хаджи Гимринский, Атанас Могохский, Султан-Кади Араканский, Мухаммад-Хаджи Кикунинский, Узун-Хаджи Салтинский. Учеником Согратлинского был выдающийся сподвижник и соратник Шамиля – Магомед-Амин (1818–1899), с деятельностью которого связана новая и яркая полоса в народно-освободительном движении народов Западного Кавказа против царизма в 40–50-е гг. XIX в.

Наиболее известными сочинениями Абдурахмана-хаджи являются:

1. «Касыда», посвященная победе войск Шамиля над отрядами Воронцова в Дарго. В «Касыде» упоминаются наибы Шамиля – Хатын, Сухайб, Ильдар, которые погибли в сражениях при Бальгито, Дарго.

2. Суфийский трактат «Ал-Машраб ан-Накшбандийа» («Источник Накшбандийа»), изданный в Темир-Хан-Шуре в 1906 г. Сочинение посвящено исламу и суфийско-тарикутскому учению и предназначено мюридам, вступающим на путь накшбандийского тарикута. В предисловии разъясняются принципы суфизма, его предмет и конечная цель. В трех главах раскрывается суть, сущности Всевышнего Аллаха. В заключительной части автор возвращается к суфийской тематике. Перевод сочинения «Ал-Машраб ан-Накшбандийа», выполненный научным сотрудником ИИАЭ ДНЦ РАН А.Р. Наврузовым, приводится в книге А.М. Абдуллаева «Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-хаджи и его родословная».

3. «Хашийа ас-Сугури» или «Хашийа Адаб ал-Бахс» («Субкомментарий к нормам поведения при дискуссии»). В Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН имеются три копии этого сочинения.

Известно, что Абдурахман-хаджи пользовался большим уважением у имама Шамиля. В переписке имам обращался к нему со словами «Аш-шамс ал-мунира» («Светящее солнце»).

С Шамилем и Гази-Мухаммадом Абдурахман-хаджи Согратлинский познакомился еще тогда, когда они вместе с ним изучали тарикут у первых двух тарикутских шейхов. В дальнейшем Абдурахман-хаджи был у Шамиля мухтасибом – своего рода государственным инспектором аппарата имамата и советником. Шамиль поручал ему наиболее важные и сложные дела государственного и частного характера. Особенно часто приходилось ему заниматься урегулированием конфликтов между представителями власти имамата, родами и влиятельными лицами.

Об авторитете шейха свидетельствует случай, произошедший в 1843 г. при штурме российскими войсками Казикумуха. Тогда в числе других попал в плен и Абдурахман-хаджи. Он был заключен в тюрьму в Тбилиси. Чтобы усилить ответственность мюридов в бою, имам запрещал в те годы обменивать русских на плененных мюридов. Но в данном случае имам отступил от своих правил и обменял русских пленников на шейха. После поражения движения горцев и пленения Шамиля Абдурахман-хаджи продолжал оставаться самым авторитетным деятелем в

горном Дагестане, а также популярным тарикатским шейхом. «Во времена своей юности он отправился к Джамалуддину Казикумухскому и принял от него *иджазу* (разрешение) на вступление в накшбандийский тарикат и на наставление людей на него. После он встретился с Мухаммадом Ярагским во время пребывания его (Ярагского) в Согратле. И от него также получил *иджазу* на наставление в тарикат. Шейх глубоко изучал все науки, знал наизусть Коран. «Он был богобоязненным человеком и аскетом» (*Назир из Дургели*, РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. С. 113).

Основным занятием шейха были преподавание арабоязычных наук и духовное руководство многочисленными мюридами накшбандийского тариката. Он обучал, наставлял, направлял людей по пути шариата и тариката. Современники характеризовали его как человека воздержанного и умеренного. Он обладал большим талантом ораторско-проповеднического искусства и порою заставлял аудиторию плакать. Говорили, что он (Абдурахман-хаджи) утром заходил в мечеть и преподавал до вечерней молитвы множество наук, в том числе философию и астрономию. А вечером дома принимал мюридов до позднего времени и занимался их духовным совершенствованием.

Не последнюю роль Абдурахман-хаджи сыграл и в политической жизни Дагестана. Об этом свидетельствует восстание горцев 1877 г., духовным знаменем которого он стал. С самого начала шейх был против восстания и убеждал народ в несвоевременности выступления. Но его не послушали. Восставшие просили пожилого шейха возглавить восстание, но Абдурахман-хаджи отказался, ссылаясь на преклонный возраст. Тогда повстанцы потребовали, чтобы сын шейха – Гаджи-Магомед возглавил его (восстание). Восстание было жестоко подавлено. Его руководители во главе с сыном Абдурахмана-хаджи были казнены. Князь Меликов, руководивший русскими войсками, собирался подвергнуть наказанию и Абдурахмана-хаджи, который был настолько стар, что не мог ходить самостоятельно. Поэтому его принесли к князю на носилках. Меликов обвинил шейха в том, что он поднял бунт, и приказал арестовать и отправить его в Гуниб, откуда на арбе он был перевезён в Темир-Хан-Шуру.

С просьбой простить шейха к Меликову обратилась мать его переводчика Абдулкадыра Даитбекова из Нижнего Казанища. Переводчики считались уважаемыми людьми, к мнению которых прислушивались, и поэтому князь удовлетворил просьбу матери Абдулкадыра и шейха отправили к ней в Нижнее Казанище, где он и оставался до смерти, т.е. до 1881/82 г.

Все три личности – Мухаммад-Эфенди Ярагский, Джамалуддин Казикумухский и Абдурахман-хаджи Согратлинский являлись почитаемыми суфийскими шейхами, яркими политическими деятелями и известными учеными не только в Дагестане, но и за его пределами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев М.А., 1998. Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-хаджи и его родословная. Махачкала.

Абдурахман из Газикумуха, 1997. Книга воспоминаний / Пер. с арабского М.-С. Саидова. Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. Махачкала.

Агаев А.Г., 1996. Магомед Ярагский. Махачкала.

Ал-Багини., 1996. Табакат ал-Хаваджиган / Пер. с арабского языка. автора настоящей статьи. Дамаск.

- Бертельс Е.Э.*, 1956. Суфизм и суфийская литература. М.
- Боденштедт Ф.*, 1996. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. Махачкала.
- Гусейнов Г.К.*, 1992. Магомед-Убри. Дагестан: время, судьбы. Махачкала.
- Дегоев В.В.*, 2000. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.
- Дневник Руновского* за июль 1861 г., 1904 // Акты кавказской археографической комиссии. Т.12. С.1498.
- Магдиев С.Я.*, 2002. «Правила достождных приличий» шейха Джамалуддина Казикумухского // Материалы региональной научно-практической конференции «Молодежь и наука Дагестана» (24–25 сентября 2002 г.). Махачкала.
- Магомеддадаев А.М.*, 2002. Магомед-Амин – наиб Шамиля в стране адыгов // Информационно-аналитический вестник. Вып.5. Майкоп.
- Назир из Дургели.* Нузхат ал-Азхан фи тараджим уламаи Дагистан // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Фонд Магомедсаида Саидова. № 95 (Перевод с арабского языка автора настоящей статьи).
- Пашаева Ш.Ю.*, 2003. Мухаммад ал-Яраги и кавказский мюридизм. Махачкала.
- Покровский Н.И.*, 2000. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.
- Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.*, 1996. Мухаммад Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. Махачкала.
- Ханбабаев К.М.*, 1994. Мюридизм в Дагестане в XIX–начале XX вв. // Сборник научных статей «Ислам в Дагестане». Махачкала.
- Хашаев Х.-М.*, 1956. Движущие силы мюридизма в Дагестане. Махачкала.
- Хроника Мухаммада Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля*, 1941. / Перевод с арабского языка А.М. Барабанова. М.–Л.